

Девочка и жизнь

Рус. курьер — 2004 — 26 авг. — с 191

Константин КЕДРОВ

Парад своих сексуальных побед мужчины устраивают на склоне дней. Царь Соломон, умирая, приказал обложить себя нагими девственницами. Возможно, это продлило, а, может быть, и сократило срок его земной жизни. Новый роман Гарсии Маркеса — «Вспоминаю моих грустных шлюх» — это и есть та самая гора девственниц, внутри которой нежится главный литературный герой.

Те, кто успел прочесть нашу шумевшую книгу, уже просигналили: никакой порнухи там нет. Догадаться об этом можно было и раньше. Нашумевшая история с якобы переписыванием самых неприличных мест больше напоминает хитрую пиар-акцию. Нечто вроде надписи на «Хазарском словаре» Павича: женский вариант, мужской вариант.

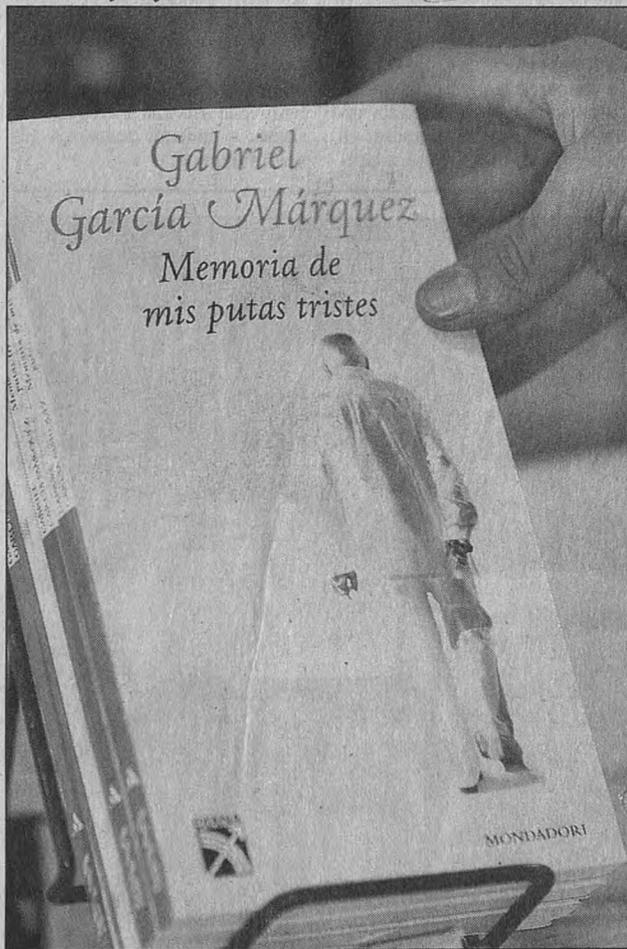
О чем бы ни писал Маркес, у него и так все сочтется эросом, но поживиться неприличным вряд ли кому удастся. Любовь старца и девочки в жизни является педофильским преступлением. А в культуре это давно отыгранное действо, которое в наши дни ожило в порно-роликах.

Вакх на картине Рубенса не только пьяный, но и старый. А пышнотельные вакханки вряд ли снабжены свидетельствами о совершенности. Пушкин в записке к царю критикует запрет императора на браки до 14 лет. По мнению нашего национального гения, в 11 лет деревен-

ские девки в самом соку. Библия не сообщает, сколько лет было дочерям Лота, когда, напоив отца вином, они, за неимением других мужчин, продолжили от него свой род.

Герою Маркеса не 77, как самому писателю, а все 90. Потому соитие с несовершеннолетней требует пылких воспоминаний о всех любовных радостях жизни. Если б длилось это чудное кино... И оно длится достаточно долго, поскольку возлюбленных более пятисот, и каждая хоть чем-нибудь да запомнилась. С каждой хоть стишок да скачаешь — говорил Иосиф Бродский. Маркес скачал роман.

Девочка и старец — это старинная эмблема жизни, не желающей умирать до последнего вздоха или, если хотите, всплеска. Она появляется в самом известном романе «Сто лет одиночества» с гремящими костями предков в мешочке на груди. Уже здесь жизнь — девочка, и смерть — кости предков, связаны неразрывно. В магических обрядах коренных жителей этих мест девственниц толпами сбрасывают на прокорм дракону, живущему на дне озера. Наши воспоминания о Кошее, желающем переспать с Василисой, достаточно смутные, хотя висящая в Третьяковке картина «Неравный брак» Пукирева — своеобразная национальная эмблема. Вокруг этого вращаются сотни сюжетов, где молодой, но бедный рано или поздно обыграет старого, но богатого. В Латинской Америке не только старцы, но даже мертвецы довольно активно занимаются любовью, нажевавшись листьев коки.

Для чего существуют эротические запреты в литературе? Вероятно, для того, чтобы Набокову и Маркесу было, что нарушать. Впрочем, ничего общего с «Лолитой» здесь нет. Метафорический стиль Маркеса весьма отличается от стиля Набокова. У него китайское правдоподобие или напрочь отсутствует, или возникает лишь опосредованно. У Маркеса важно не что, а как. Думаю, главный сюжет

его последней вещи — это эротический карнавал, который проходит перед глазами 90-летнего героя в чисто латиноамериканском или, если хотите, колумбийском стиле.

Отец магического (или психоделического) реализма остается верен себе. Ведь литература есть не что иное, как возможность создать свой вариант жизни и прожить ее в слове вместе с читателями.